

Кузнецова Алина

Девочка, которая убила свою кошку

рассказ

Алина Владимировна Кузнецова

Девочка, которая убила свою кошку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28729773

SelfPub; 2018

Аннотация

Рассказ о девочке и женщине, которые встретились в кафе во время дождя. Кто победит в борьбе за время и пространство: Жизнь, с ее сладкими и диковинными рецептами, или Смерть, горькая как крепкий черный чай?

Ты бы видел её, друг мой. Дождь не пощадил ни сантиметра её одежды: кроссовки утопали в грязи, комья сырой земли налипли на подошвы и отяжеляли стройные ноги. Спортивные штаны были похожи на половую тряпку, которой уже успели протереть паркет, а её свитер... Представь, свитер, и это в середине августа! Соглашусь, что погода была скверной последние месяцы, но лето было летом и свитер носить в это время в народе не принято.

Она прибежала будто из леса. Жадно дышала, словно леший гнался за ней до самого края зелёной полосы. Волосы как водоросли налипли на её лицо, а ногти были совсем синие, будто их молотом отбили. Ни одного живого человека в округе я в тот день не видела. Да, точно говорю, дождь целый день поливал как из ведра и ни одного посетителя. Девочка не только потому мне запомнилась. Я видела её силуэт в окне, когда он напоминал лишь движущееся пятно вдалеке. Её бег был странным, на полусогнутых и с поочерёдным выбрасыванием сильных кулаков, словно она готова ударить всякого, кто посмеет встать на её пути. Скомканный комок нервов, зубы сжатые – она ещё не успела войти, а меня уже обдало этой волной маниакальности. Этой неудержимости в камуфляже тотального разрушения.

Из меня рассказчик никудышный: хотелось больше загадки, пафоса, а в итоге все карты в самом начале раскрыла. Что ты улыбаешься так снисходительно, думаешь польстить

мне, лицемер никчёмный? Понимаю тебя, мой друг, я тоже улыбалась ей тогда, но так и не понимаю зачем. Скорее, это было проявление животного страха: вежливость как туманная гарантия безопасности.

В книгах много пишут об обманчивости внешности, да и мне уже не так мало лет, чтобы прикидываться, будто сей факт от меня ускользнул. Но здесь дело было другое: её тело служило лишь лоскутом чтобы прикрыть то, у чего, наверное, даже нет названия. Если бы я или, к примеру, даже ты, да кто угодно, бежал бы в такой ливень, то наверняка ввалился бы в помещение как неуклюжая курица, подрагивая и волоча свои отбитые ноги. Но эта девочка вошла, строго подняв подбородок, отчеканивая каждый шаг и, несмотря на хлюпанья её кроссовок и капли, стекающие по лицу, это зрелище отнюдь не было жалким. Она была отдельно от всей грязи, налипшей на неё. Она была больше, чем её фигура, чем её одежда, чем её имя. Мне казалось, что она больше самой жизни, что теплилась внутри меня, отчаянно стараясь привести дыхание и сердцебиение в норму.

Я как лужа киселя подобралась к ней с предложением пройти в уборную, куда я принесу ей чистые полотенца. Кротко кивнув, она пошла за мной. Забылись вдруг все повелительные наклонения, мои обычные «пройдите» или «вам стоило бы», или хотя бы «взгляните». Превратившись в услужливую каракатицу, я спросила, могу ли предложить ей свою рубашку и джинсы, которые у меня на всякий случай

всегда имеются в шкафчике. Она смотрела на меня так долго и пристально, что я уже совсем и не я и вовсе не предлагаю ей что-то, а ищу дно. Бесконечно печальные глаза, будто вся горесть необъятной разумом Вселенной поселилась в её груди. Нет, мой милый, для души там нет места. Чёрная дыра, а может целых две. Разверзающаяся пустота и в то же время сверхъестественная наполненность разрывали её нутро и расходящиеся по шву ткани трещали так громко, что у всякого человека на Земле закладывало уши.

Протянув ей всё необходимое, я поспешила удалиться из туалета, чтобы девочка привела себя в порядок, но краем глаза, клянусь тебе, случайно, мой взгляд слетел со стены на зеркало, и я увидела её невозможно худую спину. В моём мозгу отпечатались очертания вен, раскинувшихся под её кожей, каждый позвонок, шевелящийся в неслышимом танце, рёбра, похожие на тюремную решётку для больного пороками сердца. И две глубоких прорези вдоль лопаток, будто кто-то выдрал с корнем мощные крылья. Я сбежала, в спешке слишком сильно хлопнув дверью.

Когда девочка вышла, я стояла за стойкой, протирая без того идеально сверкающие бокалы. Разумеется, рубашка была ей велика, но рукава она закатывать не стала и так и села за стол, как Пьеро. А штаны мы перевязали летним голубым шарфом, который я сняла со своей шеи. Не могу понять, зачем я была такой. Сняла свой любимый шарфик, ну быть может не самый любимый, но для кого – кого я не знаю, и

для чего – чтобы использовать вместо ремня. Бросив грязные полотенца в стиральную машинку в подсобке, я подошла к ней, сидящей настолько прямо, будто к спине её привязали швабру. Я всё думала о том, что эта её спина похожа на дорожную карту, испещрённую пройденными за короткий срок километрами. Сотнями и тысячами километров и многими десятками дешёвых кроссовок.

На каждом столе всегда лежат приборы, такая уж у меня, как ты знаешь, своеобразная тяга к тому, чтобы всё было на месте. И вот она, вытащив из-под громадных рукавов свои тонкие пальцы, гладит зубцы начищенной мною вилки. И вижу я эти пальцы, как сейчас: кровоточащие ногти, порезы на коже, костяшки сбиты и лёгкая дрожь до самых кончиков, едва заметная, но мне, как всякому двуногому животному, инстинктивно ощутимая. Не хочет ли она выпить горячего, может, глинтвейна? Сплошной смех варить глинтвейн в августе, но я была готова даже достать хорошего вина. Было ли у меня хорошее вино? Конечно же, нет, откуда ему взяться в этой глуши, но разве об этом шла речь? Она сказала мне так мало, но в голосе её было монотонности больше, чем могли бы уместить в себя обычные человеческие слова.

– Алкоголь снижает ясность ума. Мне нельзя.

Смелость моя знает границы, но хуже всего, что этой самой приграничной чертой стала девочка. Наверняка больна, в ней всё было так нездорово, но как могла я такое спросить? Тогда я предложила ей горячий шоколад.

– Ещё рано для сладкого. Предложите мне что-нибудь другое.

Судорожно я перебирала в голове что-нибудь ещё, но что, если это кафе-кондитерская, а для сладкого рано? И когда будет самое время? Бывает ли кружка горячего шоколада не вовремя, а, скажи мне? Знаю только, что может быть слишком поздно для покаяния, и слишком рано для крепкого виски, но всё остальное всегда приходит вовремя, разве нет? Обуреваемая сомнениями, что это создание хоть чем-то питается, я выдавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.